

Жаркой Михаил Эмильевич

канд. ист. наук, доцент, старший преподаватель

Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ОБЩЕЙ ПРЕВЕНЦИИ В РЕПРЕССИВНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ НКВД СССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация: в статье впервые рассматриваются теоретические аспекты проблемы предупреждения и профилактики преступности на примере ведомственного нормотворчества НКВД СССР во второй половине 1930-х гг. Предпринята попытка анализа превентивных возможностей интерполяционных норм, содержащихся в приказах НКВД, регламентирующих проведение специальных оперативных мероприятий. В обоснования точки зрения автора об определенных превентивных возможностях неконституционных органов, осуществляющих судебные функции, приводятся уникальные статистические данные деятельности органов квазисудебной юстиции, почерпнутые из анализа библиографии и вводимые в научный оборот из архивных источников как федерального, так и местного масштаба. Обращено внимание на приоритет методов устрашения в ущерб принципам законности, гуманизма и воспитательных потенций права. В то же время подчеркнуты специфические системные меры, направленные на разрушение криминальной и маргинальной среды. В заключение предложено учитывать как положительный опыт, так и негативные последствия правоприменительной практики рассматриваемого времени в условиях формирования современной уголовной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: предупреждение преступности, общая превенция, нормотворчество НКВД, репрессии, тройки, Особое совещание, превентивная роль наказания, детерминация преступности, уголовная политика.

Предупреждение (превенция) преступности на всех этапах цивилизованного государства представляло собой его целенаправленное воздействие на причинности преступности и воспрепятствование дальнейшей криминализации социального поведения. Новейший энциклопедический словарь предлагает считать прилагательное «превентивный» как предупреждающий, предохранительный, опережающий действия противной стороны [17]. Н.Ю. Шведова также полагает что термин означает «предупреждающий что ни будь, предохранительный». При этом этимологические корни, по ее мнению, происходят от французского *preventif*, восходящего к латинскому *praventus* – «упреждающий, предупреждающий» [22]. Логично, что Большой юридический словарь дифференцирует термин, но рассматривает его многоплановость в менее широком смысле, через призму права. В силу предмета нашего исследования мы остановимся на понятии «общая превенция», выступающим операционным термином теории уголовного права и означающее профилактику или предупреждение преступлений под воздействием уголовно-правового запрета [3]. Следовательно, как отраслевое охранительное законодательство, так и общая теория права, причем последняя в первую очередь, под превенцией рассматривает именно средство предупреждения противоправных деяний, а под превентивными мерами подразумевает известный комплекс профилактических мер, который проводится системно государственными и негосударственными органами в целях предотвращения, мимикрирования, а также снижения динамики криминальных проявлений.

Вопросы, связанные с совершенствованием системы предупреждения преступности нашли свое отражение в трудах многих отечественных криминологов, но в первую очередь таких ученых, как, например: Г.А. Аванесова, Х.Д. Аликперова, М.М. Бабаева, А.И. Гурова, Г.В. Дашкова, А.И. Долговой, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева, Г.М. Миньковского, С.Ф. Миллюкова, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, Л.Б. Смирнова, О.В. Старкова и др.

В нормальных условиях, исключая экстраординарность государственных состояний, сформированный в общественном сознании образ государства –

«ночного сторожа» в том числе через уголовно-правовые запреты обеспечивает субъективные права и свободы граждан. Совсем по-другому обстоит дело в правовом поле так называемого «государства – Левиафана», где как при тоталитарном, так следует признать и при «авторитарно-мобилизационном» (термин, введенный в 1989 г проф. Б.П. Курашвили для обозначения политической системы СССР в 1930–1940 – начале 1950-х гг.) [12, с. 101–102] политических режимах, государство фактически и в том числе также при использовании всего арсенала государственного принуждения, включая уголовную ответственность, поглощает права и свободы граждан, понимаемые в их либеральной трактовке, порожденной эпохой буржуазных революций. Здесь очень важно понимать, что в подобных социальных пространствах господствует позитивистский тип правопонимания, где утверждается приоритет закона и его верховенство, но на практике право становится орудием, инструментом власти. Не правильно было бы утверждать, что этот инструмент используется совершенно бесконтрольно, но вне всякого сомнения, подзаконно.

Очевидно, что под таким углом зрения общая превенция достигается страхом перед наказанием, что призвано мотивировать выполнение населением нормативно закрепленных правил поведения. Привлекая к ответственности и вынося наказание правонарушителю, государство тем самым воздействует на его сознание. Такого рода воздействие выражается в устрашении неизбежности и неотвратимости репрессии, кары со стороны государства и призвано предупредить рецидив криминальных проявлений. Оно достигается гласностью, доступностью действующего уголовного законодательства, просветительской работой государственных и общественных организаций, средств массовой информации по правовому информированию населения страны. В условиях экстремальных обстоятельств, когда государство ставит перед собой цели выживания, оно, как показала история, отступает от своих правил, как само «чрезвычайное состояние» оно по собственному усмотрению принимает, отменяет, пролонгирует, приостанавливает и т. д., то есть в любых видах занимается абrogацией законода-

тельства. Результаты делегированной исполнительной власти в целях оперативности и эффективности управления права издавать и принимать нормативные акты, различные интерполяции и пр. приобретают гиперактивность, что напрямую затрагивает права и конституируемые свободы граждан.

К такого рода подзаконным актам, сыгравшим неоднозначную роль в борьбе с преступностью, относится ведомственное нормотворчество НКВД СССР второй половины 1930-х гг. Чрезвычайные полномочия НКВД получил на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Как известно они были реализованы в известном Оперативном приказе НКВД СССР от 30 июля 1937 г. №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», проект которого 31 июля был утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) [11, с. 133–134]. В этом документе констатировалось, что материалами, имеющимися в распоряжении НКВД, установлено, что эти антисоветские элементы выступают главными зачинщиками всякого рода контрреволюционных и диверсионных преступлений, перед органами государственной безопасности ставилась задача разгромить эти антисоветские элементы, защитить трудящийся советский народ от их происков и таким образом покончить с попытками подорвать основы советского государства [9, с. 112; 11, с. 129–130]. Несмотря на насаждаемое сегодня мнение о назначении числа репрессированных из центра в приказе четко констатировалось: «Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии...» Всего по 64 регионам 249450 чел. (подсчитано автором. Исх. данные [9, с. 114–115]). Кроме того, во исполнении требований приказа «уменьшение цифр, а равно перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – во вторую категорию и наоборот, – разрешается» [11, с. 131; 9, с. 116]. Правда, приказ называл эти цифры ориентировочными, однако устанавливал, что наркомы и начальники управлений НКВД «не имеют право самостоятельно их превышать».

Тем не менее, свидетельством активизации местной инициативы являлись обращения региональных руководителей в центр. Например: «Дорогой товарищ Сталин! Украина Вам посылает ежемесячно по 17–18 тысяч арестованных. Москва утверждает 2–3 тысячи. Прошу принять меры. Любящий Вас Никита Хрущев» [2]. С подачи Н.С. Хрущева на Украине и только за 1938–1940 гг. было арестовано 167565 чел. Усиление репрессий в республике он объяснял тем, что с его приходом резко возросла активность правотроцкистского подполья. Лично Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких сот человек, которые подозревались в организации против него «террористического акта» [23, с. 60].

В преддверии проведения массовых репрессивных операций НКЮ СССР циркуляром от 23 июля 1937 г. требовал предоставления сведений по аппаратам судебных органов о лицах, связанных с троцкистами, правыми и другими контрреволюционными группами. В список, согласно предъявленным требованиям, должны были быть включены все лица, имеющие связь с названными организациями и выявленные в период с 1 июля 1936 г. по день предоставления списков. Впоследствии, 29 марта 1938 г. это указание было отменено [6].

Основания для такого указания НКЮ СССР были. Во второй половине 1936 г. по оперативным данным отмечена активизация сторонников оппозиции, не стоит сбрасывать со счета и неоднозначную реакцию среди членов партии на закрытое письмо ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока», да и населения страны на результаты процесса по делу «Анτισоветского троцкистско-зиновьевского центра», состоявшемся в Москве в августе 1936 г.

В связи с проведением массовых репрессивных операций в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, бандитов, реэмигрантов, участников антисоветских организаций, церковников и сектантов, уголовников-рецидивистов приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. были созданы республиканские, краевые и об-

ластные тройки для рассмотрения дел указанных категорий лиц, которые по мерам наказания разбивались на две категории: к «первой» относились «наиболее враждебные из перечисленных выше элементов», подлежащие расстрелу; ко «второй» – остальные, подлежащие заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет [18]. С появлением летом 1937 г. этих «специальных троек» деятельность общих «судебных» и милицейских троек не прекращалась, хотя и изменялся их персональный состав. Различия было исключительно в их юрисдикции, подсудности рассмотрения дел и категорий обвиняемых, правах по вынесению репрессивных решений. Таким образом, все элементы системы внесудебной юстиции действовали параллельно.

Действующие при управлениях милиции НКВД союзных и автономных республик и управлениях милиции краев и областей «милицейские тройки» в свой состав включали начальника соответствующего управления НКВД, начальника управления милиции и начальника отдела, представлявшего дело в «тройку». Милицейские «тройки» в отличие от общих «троек», рассматривали дела в присутствии обвиняемого с обязательным участием прокурора. К их «подсудности» относились дела лиц, имеющих судимости за уголовные преступления и не порвавших с преступной средой; лиц, хотя и не имеющих судимостей, но не занятых общественно – полезным трудом и связанных с преступной средой, в том числе притоносодержателей и скупщиков краденого; хулиганов-рецидивистов, ранее не менее двух раз судимых за хулиганство; нищих – профессионалов; злостных нарушителей паспортного режима [13, с. 108; 19, с. 258]. Применение репрессии «милицейскими тройками» носило в большей степени превентивный характер, то есть не столько привлекало к ответственности конкретного преступника, сколько подвергало разрушению саму криминальную среду, не позволяя ей консолидироваться и спланироваться, то есть предупреждало самодетерминацию уголовной преступности. Сразу же оговоримся: это и подобные ему указания полностью соответствовало действующему уголовному законодательству и деятельность правоохранительных органов по их реализации строго проводилась

в рамках ст. 7 УК РСФСР, согласно которой в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применялись меры социальной защиты.

Всего «тройкой» УНКВД Ленинградской области в 1937–1938 гг. в порядке выполнения приказа НКВД СССР №00447 было осуждено 32714 чел. [8, с. 437]. Однако следует иметь в виду, что в эти данные по всей видимости включены результаты репрессивной практики «Особой тройки» УНКВД, которые были созданы приказом НКВД СССР от 17 сентября 1938 г. №00606 при каждом территориальном управлении. Сроки функционирования «Особой тройки», в отличие от иных внесудебных органов, точно определялись двумя месяцами. Она должна была рассматривать дела только тех лиц, которые были арестованы до 1 августа 1938 г. [20, с. 748–749] в целях быстрее рассмотрения дел на лиц, арестованных как бывшие белогвардейцы, служащие КВЖД, польские шпионы и некоторые другие категории и, как нам представляется, их учреждение было обусловлено упразднением спецколлегий 17 августа 1938 г. (в связи с принятием закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. [7]). Только за время с 14 сентября по 15 ноября 1938 г. (то есть за время функционирования «Особой тройки») параллельно «Судебной тройкой» (общей) УНКВД Ленинградской области было рассмотрено 1669 дел по обвинению 1787 чел. Из них 1164 было направлено в ИТЛ; 175 чел. выслано; 66 чел. (3,6%) освобождено от наказания; условно – досрочно освобождено в порядке ст. 458 УПК РСФСР – 79 чел. (4,4%); 16 (0,8%) осужденным был снижен срок наказания; в отношении 11 чел. (0,6%) материал был отправлен на исследование; направлено в суд дел на 20 чел. (1,1%) (подсчитано автором. Исх. данные [1]).

Согласно справки Помощника начальника ГУЛАГа НКВД СССР старшего майора госбезопасности Леонюка за сентябрь–декабрь 1937 г. спецтройками было осуждено отправлено в лагеря 214382 чел., из них: по Московской области – 26576, по Ленинградской области – 7732, по Смоленской области – 6338, по Челябинской области – 3527, по Ростовской области – 5085, по УССР – 35816,

по БССР – 14560, по Чечено-Ингушской АССР – 1998 чел., по Краснодарскому краю – 692 чел. На 1 февраля 1938 г. согласно приказу НКВД от 30 июля 1937 г. №00447 спецтройками было осуждено 337000 чел., в исправительных лагерях было выявлено 250000 чел., попадающих под действие данного приказа, а за сентябрь 1937 г. – январь 1938 г. было осуждено обычными и милицейскими тройками и отправлено в лагеря 140000 чел. [5].

Правда, по некоторым данным в 1937–1938 гг. «тройками» НКВД – УНКВД только по собственным делам по СССР было репрессировано 63679 чел., причем большая часть из них – 45768 чел. (71,8%) в 1938 г. Надо сказать, что эти цифры весьма любопытны. Они впервые были обнародованы в книге «История в документах. Россия XX век. Архив Александра Н. Яковлева» со ссылкой на ГАРФ (Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205), что само по себе должно означать, что в целом они соответствуют действительно и должны работать на сегодняшнюю концепцию оценки правоприменительной деятельности НКВД середины 1930 гг. С другой стороны из опубликованных данных следует, что из 1344923 осужденных в 1937–1938 гг. только 63679, или 4,7% были осуждены несудебными органами, а это, в свою очередь, означает, что абсолютное большинство дел было рассмотрено в судах и иных судебных учреждениях, осуществляющих правосудие (рассчитано автором, [15]). Таким образом, мы вновь выходим на преднамеренное искажение образа советской юстиции предвоенных лет. Как бы то ни было, мы, однако, считаем, что эти данные нуждаются в уточнении.

О масштабах деятельности «милицейских троек» можно судить по следующему факту: только за период с 5 августа (начало проведение спецоперации – М.Ж.) по 31 декабря 1937 г. Управлением милиции НКВД Ленинграда было изъято и осуждено «тройкой» свыше 7 тыс. уголовных и социально-опасных элементов. Из них 3,5 тыс. были приговорены к высшей мере наказания. Кроме этого в городе и области было ликвидировано 678 преступных групп, в том числе: 23 бандитских, 207 грабительских, 323 воровских и др. Органами милиции были ликвидированы 91 убийца, 224 вооруженных бандита и грабителя, 4016 воров-рецидивистов, 1551 уличный хулиган, 72 притоносодержателя и т. д.

[8, с. 160]. Милицией Краснодара за 11 месяцев 1937 г. было изъято, кроме привлеченных к ответственности в судебном порядке, около 2 тыс. чел. социально – вредного элемента [10, с. 942].

Из приведенных статистических данных несомненно ясен массовый характер репрессий, вне зависимости от их конкретных цифровых результатов. В данном случае для нас важен их публичный характер, география и как следствие – предупредительное, превентивное, наконец устрашающее их воздействие на неопределенно широкий круг лиц, занимающихся профессионально преступной деятельностью или под воздействием различных детерминант вступающих на противоправный путь. При этом наделение квазисудебных «троек» правом вынесения определенных видов наказания было произведено именно закрытым нормативным актом НКВД СССР – пп. а), б) п. 1 раздела II приказа: расстрел, заключение в лагерь на срок от 8 до 10 лет или тюрьму на тот же срок. Приказ не был и не мог быть известен широким кругам населения в силу грифа секретности и поэтому результаты правоприменительной практики «троек» становились известны либо после официального уведомления родственников осужденного, либо распространялись по мере общения населения между собой зачастую, в виду отсутствия информации, обрастая слухами, в результате которых был сформирован образ репрессий, как мы полагаем, не соответствующий их реалиям. Однако в теоретическом плане это не меняет общепревентивного воздействия содержащихся в нем норм.

Отдельно стоит разобрать в системе общей превенции роль Особого совещания при НКВД, статус которого был установлен Постановлением ЦИК и СНК СССР (то есть высшим органом законодательной власти) от 5 ноября 1934 г. [21] Согласно Постановления, оно обладало правами ссылки, высылки, заключения в лагерь до 5 лет, а иностранцев, являющихся общественно опасными, высылать за пределы СССР. В апреле 1937 г. оно получило право выносить решения о лишение свободы с заключением в ИТЛ на срок до 8 лет, а в ноябре 1941 г. – вплоть до расстрела. За 1934–1953 гг. Особым совещанием было репрессировано около

443 тыс. чел, в том числе к высшей мере наказания – 10 тыс. [16, с. 371]. А.Г. Кучерена приводит более конкретные цифры: всего Особым Совещанием было осуждено 442531 чел., к высшей мере наказания было приговорено 10101 чел. [14, с. 115].

Очевидно, что применительно даже к неоднозначно оцениваемым событиям второй половины 1930-х гг. общее предупреждение преступности выступало в виде системы средств, целенаправленно воздействующих на все население СССР и его отдельные социальные группы, распределяемые по определённым категориям: социальному происхождению, роду занятий, должностному статусу, возрастному цензу, гендерному признаку и пр., а также с учетом особенностей отдельных видов преступности. Заметим, что наряду с другими конституционными субъектами предупреждения преступности в рассматриваемое время гипертрофированную роль специализированных субъектов предупреждения приобрели НКВД, Особое совещание и производные, скажем так вторичные от НКВД внесудебные органы – так называемые «тройки», осуществляющие коррозийное правосудие. Последнее, тем не менее, не означает автоматического признания невиновности тех лиц, которые были подвергнуты репрессии и отрицания роли квазисудебных органов как субъектов общей превенции. Важно, что в этих противоречивых обстоятельствах поразительно сочетались линии общей и индивидуальной превенции – репрессии внесудебных органов воздействовали, в том числе, на тех лиц, от которых можно было потенциально ожидать совершение преступлений, а также на социальную среду их обитания. Конечно, при этом не имеет смысла говорить о приоритете принципов индивидуальности, гуманизма, использовании воспитательных аспектов права и т. п. Основной упор в карательной политике был сделан на формирования рецепторов страха перед наказанием, применение которого превратилось в технологический процесс. Данное обстоятельство необходимо учитывать сегодня при формировании современной уголовной политики России, которая должна отвечать вызовам современности, включая особенности протекания сложных процессов в военно-политической сфере и их отражение в социальной жизни общества.

Список литературы

1. Архив Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 454–455.
2. Баландин Р.К. «Клубок» вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы / Р.К. Баландин, С.С. Миронов. – М.: Вече, 2002. – 381 с.
3. Большой юридический словарь / авт.-сост. В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова. – М.: Инфа-М, 2001. – 790 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 3316. – Оп. 64. – Д. 1523.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 1138.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9492. – Оп. 1а. – Д. 2.
7. Закон СССР «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1938. – №11.
8. Иванов В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР) / В.А. Иванов. – СПб.: ЛИСС, 1997. – 462 с.
9. История государства и права России в документах и материалах. 1930–1990-е гг. – Минск: Амалфея, 2000. – 624 с.
10. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / сост. А.М. Беляев [и др.]. – Краснодар: Эдви, 1997. – 1118 с.
11. Кубанская ЧК: органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост. Н.Т. Панчишкин. – Краснодар: Совет. Кубань, 1997. – 669 с.
12. Курашвили Б.П. Модели социализма / Б.П. Курашвили // Советское государство и право. – 1989. – №8. – С. 99–110.
13. Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 гг. / В.М. Курицын. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 230 с.
14. Кучерена А.Г. От государственного террора к эре милосердия / А.Г. Кучерена. Кн. 2. – М.: Нац. обозрение, 2008. – 381 с.

15. Лысков Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века / Д.Ю. Лысков. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 286 с.
16. МВД России. Энциклопедия / под ред. В.Ф. Некрасова. – М.: Объед. ред. МВД России; ОЛМА-Пресс, 2002. – 623 с.
17. Новейший энциклопедический словарь / под ред. Е.А. Варшавской. – М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига. – 2004. – 1424 с.
18. О внесудебных органах // Известия ЦК КПСС. – 1989. – №10. – С. 80–82.
19. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996.
20. Память. Жертвы политических репрессий / сост. П.Е. Сенькин, Ф.П. Сараяв. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. – 863 с.
21. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об Особом совещании при НКВД СССР» // Собрание законодательства СССР. – 1935. – №11. – Ст. 84.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.
23. Топтыгин А.В. Неизвестный Берия / А.В. Топтыгин. – СПб.; М.: Нева; Олма-пресс, 2002. – 479 с.